

Огромная, пышная, роскошно отделанная Главная Палата Аудиенций, центральная часть обширного Тронного Зала, пустовала в тихие предрассветные часы. Зал был погружен в полутьму, уникальные выдувные лампы ручной работы в вышине давали приглушенный свет, отражающийся на богато украшенном золотом и россыпями драгоценных камней изящном арочном потолке. Его нежное сияние разбрасывало мягкие рассеянные тени в бархатном мраке, едва справляясь с тем, чтобы чуть осветить многочисленные углы палаты. Впрочем, Палпатин не нуждался в таких грубых средствах, чтобы знать, что он здесь один.

Сверкающий золотым великолепием Трон Солнечных Лучей, стоящий на высоком возвышении, располагался на бледном мраморном полукруге со сложным инкрустированным узором красновато-коричневых и серо-голубых цветов. Этот пол был вынесен из Палаты Советов старого Храма Джедаев по приказу Палпатина, и он никогда не переставал наслаждаться тем, что его трон возвышался на полу, на котором ему когда-то было запрещено стоять.

Сам трон, являющийся реликвией минувших веков, был взят в тайном хранилище разграбленного Храма. Его массивная спинка была выкована из драгоценного металла в форме солнца, окруженного языками пламени. Самый нижний из них касался пола, а самый верхний находился значительно выше уровня головы. Чеканные лучи ловили малейший свет, преломляя его многочисленными гранями вокруг самого трона и восседающего на нем человека.

Руки Палпатина лежали на широких подлокотниках, и в который раз он улыбнулся принадлежавшему ему теперь сокровищу.

Его истинное назначение давно было затеряно в истории, трон всегда был почитаемым артефактом джедаев, скрывавших его окутанное тайной существование. Поскольку древний трон хранил пророчество - увидеть которое можно было только, если точно знать, где смотреть. Пророчество, грозящее уничтожением и обещающее спасение. Новую эру. Тайна, предсказывающая и власть для ситхов, и равновесие для джедаев.

Спрятанное на замысловатой чеканной поверхности солнечных лучей на неизвестном древнейшем языке. Широко растянутые надписи были выгравированы крошечными буквами - настолько искаженными, что их почти невозможно было увидеть и прочесть. Происхождение как текста, так и самого трона было окутано туманом времени. Объединенные фрагменты надписей составляли одно из самых великих пророчеств, известное как: "Сын Солнца".

Ученые спорили о его точном значении в течение многих столетий, дотошно толкуя и повторно переводя произвольно и беспорядочно написанный текст множество раз - пытаясь принести ясность в имеющийся сумбур. Образца этого языка больше нигде не существовало, и широко раскиданное по спинке трона пророчество постоянно бросало вызов всем определениям и формулировкам, заставляя бесконечно обсуждать и подвергать сомнению различные мелочи и детали и приводя к существованию множества версий и интерпретаций.

Для успеха, казалось, им был необходим только ключ. Какая ирония. Когда этот «ключ» появился, джедаи практически исчезли, а к тому времени, как «ключ» увидел Трон в первый раз, от них остался лишь прячущийся где-то в дебрях, всеми забытый отшельник.

Да, этот прославленный Трон Солнечных Лучей, учитывая его историю, казался Палпатину естественным выбором при создании Тронного Зала, финальным штрихом чудовищно громадных работ по украшению и отделке его Императорского Дворца, законченного почти десять лет спустя после того, как он утвердил свое господство. Ощукая потребность, он лишь добавил к трону роскошную и тяжелую резную скамеечку для ног, с высеченными на ней

образами его далеко раскинувшейся Империи. Едва ли тонкая аллегория. Империя лежала под его ногами.

В этот час он был один, погруженный в свои мысли. Зал был безмолвен и тих, Суд и двор давно распущены, но Палпатин остался здесь, в месте сосредоточия его могущества и власти. Даже спустя двадцать четыре года после того, как он взошел на трон, он все еще испытывал торжество, находясь здесь. И сейчас даже больше, чем когда-либо. Ибо, держа власть над Скайуокером и обладая лояльностью этого самого уникального ключа к пророчеству, для него все становилось возможным.

Он знал это уже в течение двух лет, с тех пор как через несколько месяцев после обращения Скайуокера, Палпатин последовал за отдаленным, шепчущим завихрением в Силе к Тронному Залу и нашел там стоящего в тених мальчишку, словно в трансе смотрящего на трон, на Место Пророчества. Не сознающий близкого присутствия своего Мастера, он стоял прикованный к месту, не замечая проходящего времени. Следуя какому-то порыву, Палпатин предложил ему прочесть надписи, зная, что тот не имел никакого представления об их существовании, не говоря уже о том, как их расшифровать.

И мальчишка прочел их. Просто. Как будто это было самой естественной вещью на свете - возможно, для него это так и было. Для ключа к пророчеству.

Палпатин сощурил желтые испещренные пятнами глаза, обдумывая встречу со Скайуокером прошедшим вечером - осознавая фундаментальную перемену в его позиции и отношении, выраженную в его действиях и намерениях. Безмерно радующий результат рискованной игры Палпатина. Поскольку это игра внезапно набрала непредвиденные обороты с непредвиденной ставкой, переходя от незначительного плана к главной кампании, без возможности дальнейшего вмешательства ее зачинщика. Палпатин публично признал Скайуокера Наследником, в расчете больше вовлечь его в новое положение и новую жизнь и таким образом наконец отделить от Восстания, к которому тот по-прежнему испытывал некое невольное чувство преданности.

Результат превзошел все ожидания.

Все его поведение изменилось - как будто последний, глубоко находящийся в нем барьер, так долго державший его и мешавший ему, пал.

Ситх, которого Палпатин видел удерживаемым позади тех синих ледяных глаз в их самую первую встречу, наконец ступил на свободу. Самоуверенный, независимый, резкий и непостоянный нрав, всегда изводящий Вейдера, в его сыне был умерен сдержанной холодной расчетливостью, дающей отличные перспективы на будущее. По ощущениям Палпатина, даже слишком отличные. Слишком много происходило позади того хладнокровного, невозмутимого фасада, который показывал мальчишка, это было очевидно.

Теперь, конечно, становилось тяжелей его контролировать, но все это было частью игры.

Палпатин однажды задался вопросом, сможет ли он когда-нибудь склонить это дикое существо к своим ногам, сможет ли в действительности управлять им. И даже сейчас, какая-то часть Палпатина не была уверена в этом, не зная воспитывает ли он ученика ситха... или создает Мастера. Он никогда не беспокоился по этому поводу с Вейдером, который потерял значительную часть своей связи с Силой рукой Оби-Вана и чувствовал себя всегда каким-то образом признательным Палпатину, зная того с самого детства.

Нет, сын Вейдера был другим; у него не было такой преданности Палпатину. И если в самом

начале Палпатин приложил много усилий, чтобы разъяснить Скайуокеру, что его личные способности сильнее мальчишких, то теперь они оба знали, что это больше не так - что, по крайней мере, они одинаковы.

О, Скайуокер испытывал здоровое уважение к своему Мастеру - к его мощи, к его положению и к его безжалостной воле - но все больше и больше, по мере того, как росла уверенность мальчишки в себе, становился понятным факт, что если он решит действительно что-либо сделать, никакие предостережения не поколеблют его. Он был слишком упрям, слишком активен, слишком непреклонен.

И все же пока, в итоге, он все еще подчинялся воле своего Мастера... Вначале он сохранял абсолютную твердость, а затем, в конце концов уступал - словно попадая в безвыходное положение, некий тупик. И до настоящего времени Палпатин не мог до конца понять, что это было... Поскольку тот сдавался не под нажимом физического наказания. Наказание для Скайуокера было лишь наказанием, тем, что придется вытерпеть, когда он зайдет слишком далеко. И фактически оно никогда не останавливало его от неподчинения в дальнейшем, лишь заставляло относиться к выбору своих действий более осторожно.

Таким образом, было что-то еще мешающее мальчишке, некая большая угроза, сдерживающая его - и Палпатину необходимо было выяснить, что это. Необходимо было держать контроль в своих руках. Иначе он никогда не сможет действительно узнать, не выжидает ли его Волк лишь момент для удара.

Погрузившись в размышления, Палпатин ощутил покалывание в позвоночнике - в предчувствии наступающего видения, от которого зашевелились волосы на затылке и замерло дыхание в легких, когда он охотно отдался всеобъемлющей мощи...

Он снова видел волка в ночи, дикое существо, которое часто приходило в его видения в течение двух долгих десятилетий.

Шорох во тьме. Дикое и своенравное оно исчезло в наплывших тенях, и он уставился в пустоту, ожидая...

Глубокая тишина. Он нерешительно повернулся.

Перед ним на коленях, в немой неподвижности и покорно потупив глаза, стоял его дикий джедай; ниспадающий складками тяжелый плащ из густого черного меха поглощал весь свет вокруг.

Волк в ночи...

Потяни слишком сильно его цепь, и он укусит - почему Палпатин знал это с такой ясностью?

Джедай встал, соболиный плащ скользнул с его плеч, когда он безмолвно протянул руку, и, как и раньше, глаза Палпатина были прикованы к сейберу в ней, испачканному алой кровью - цвета гнева, страсти и предательства...

Меч Вейдера. Палпатин вновь задался вопросом: убьет ли мальчишка в конечном счете своего отца?

- Возьмите... - произнес джедай, хотя его губы не шевелились.

Палпатин снова посмотрел на лайтсейбер, на тонкие алые ручейки, бегущие по рукояти и

стекающие с пальцев джедая, падая темными каплями к ногам Палпатина, впитываясь в подол его плаща...

Что-то дернуло в его душе, как никогда прежде, заставляя сердце в трепете пропустить удар. В страхе...

Его Волк оставался тихим и безразличным, но что-то... что-то изменилось в его глазах...

- Возьмите... или он убьет вас.

Палпатин взглянул вверх, этих слов никогда раньше не было в видении.

- Вейдер?

Его волк ничего не ответил, только продолжал протягивать мокрый от крови сейбер, внизу распускались неровные алые пятна, питаемые по-прежнему сочившейся с рукояти густой вязкой кровью.

Жизнь, яркая и насыщенная.

Смерть, проливающая рубиновые слезы.

Смерть... меч не был активизирован, но он слышал басовый гул его невидимого клинка, шипение раскаленного света.

Смерть...

Реальность разорвала видение, нарушая связь и оставляя Палпатина выбитым из колеи в тихом и одиноком безмолвии пустой огромной палаты.

Риис вошел в темную гостиную, где Люк спокойно стоял высокими окнами, пристально всматриваясь в ночь. Раненая левая рука поддерживалась правой, а сломанные ребра болели от слишком долгого стояния на ногах.

- Все прошло, как планировалось, сэр?

Люк пожал плечами, не поворачиваясь.

- Настолько, насколько это возможно.

- Но Император остался доволен? - уточнил Риис.

- Пока да.

- Тогда мы можем продолжать?

Люк долго молчал, раздумывая. Какая-то его часть все еще не желала двигаться по этому пути, ступив на который он уже не сможет свернуть и уйти - но он откладывал и мешкал слишком долго, и вот к чему это привело. Галактика шла дальше, а он остался барахтающимся в своих сомнениях, уязвимым, и в результате заплатил за это.

Палпатин вложил много времени и усилий, связывая руки Люка, и теперь Люку нужно будет вложить не меньше, чтобы высвободить себя. И в настоящий момент было очень мало людей, которым он бы достаточно доверял в этом. Риис был одним из них, как и Халлин. Мара -

определенно нет, как и его отец.

Что касается Альянса... Он надеялся, что смог бы открыть диалог с ними, избежав прямого конфликта, но теперь это казалось полностью вне рассмотрения. Впрочем, шансы принятия ими его условий и раньше были весьма слабыми, становясь все призрачнее с каждым проходящим годом. В действительности он нуждался в смене их руководства, но повлиять на это никак не мог - до сих пор. Сейчас настал момент, когда он мог двинуться к своей цели, прикрываясь местью.

Мсть будет прекрасным алиби, потому что он действительно искренне хотел ее; и в этом случае мсть будет единственной вещью, которую ощутит его Мастер. И те небольшие приступы угрызений совести, шепчущие так долго в уголках души, наконец стихли, лишившись дара речи под грузом реальности совершенного предательства.

Как он мог чувствовать вину за то, что остановит тех, кто пытался убить его? Это просто самозащита. Естественный отбор, законы дикой местности. Он бежал со стаей уже довольно долго, чтобы понять, что единственным способом остановить тех, кто хватал тебя зубами за пятки, было уничтожить их.

Люк улыбнулся своим мыслям, его Мастер гордился бы им. Но прежде чем ситх торжествующе поздравит себя с созданием своего драгоценного "волка", он должен понять характер зверя...

Палпатин хотел обязательств от Люка - что ж, в общем он получил их. Он получил своего волка. И одной из ведущих амбиций сущности каждого волка... было стремление опередить других.

- Сэр? - мягко позвал Риис, возвращая мысли Люка к настоящему моменту.

По правде говоря, он уже начал кампанию, приказав Риису связаться с его агентом среди ботанов и велеть тому наблюдать сегодня жилье Наследника в Западной Башне. И к этому моменту изображения его, живого и здорового, гуляющего по широкому балкону Парлемианских апартаментов, давно должны быть на пути к Восстанию.

- Я свяжусь с Эрго - скажу, что мы начинаем ставить западню, и нам необходимы сообщения о любых изменениях в распорядке Восстания, - произнес наконец Люк. - Ты должен связаться с адмиралом Джоссом по официальному каналу и передать мой приказ готовить "Несравненный", "Бесстрашный" и "Ярость" к широкому обходу колоний под моим командованием. Затем свяжись с ним снова на безопасном канале и скажи выпускать спецгруппы 701-го, как только они достигнут Ондерона, они должны получить Белый код и немедленно начать продвигаться к местоположению ботанов. Я должен знать, когда они будут там. Свяжись с генералом Райзом...

- Я прошу прощения, сэр, генерал Райз получил перевод во флот Внешнего Кольца, - перебил Риис, говоря об одном из центральных военачальников Люка и их надежном союзнике.

Люк нахмурился, сузив несоответствующие друг другу глаза.

- Чьим приказом?

- Приказом Императора. Его заменил генерал Вирс - хотя, как я понял, прошение о переводе он подал сам.

Люк отвернулся, расстроенный, немедленно вспоминая, как видел Вирса в палате аудиенций

своего Мастера несколькими месяцами ранее.

- Он - агент.

- Палпатина? - нахмурился Риис. - Он не значится в моих списках.

- Ну, значит внеси его туда. И сообщи мне, когда Райзу удастся связаться с тобой по безопасному каналу с "Экзекутора". Я сомневаюсь, что мы получим что-нибудь полезное от него сейчас - мой отец будет наблюдать за ним как ястреб - но он может быть полезен в будущем. Когда он вступит в контакт, установи надежную частоту и скажи ему больше не делать этого - мы оставляем его «спящим» на некоторое время, пока все не уляжется.

- И что с Вирсом?

- Информируй адмирала Джосса, что Вирс - шпион. У него не должно быть никакого контакта с 701-ым, - ответил Люк, говоря о личном воинском подразделении, которое он полностью охранял от внешнего влияния. - Если по этому поводу будут вопросы, пусть Джосс передаст, что это мое личное распоряжение и направит его ко мне.

В качестве личного полка Наследника, 701-ый поддерживал видимое присутствие на борту "Несравненного", но в действительности все - от количества до назначения и местонахождения команды - было тщательно скрыто. На борту одновременно находилось не больше половины команды, остальные были тайно рассеяны маленькими независимыми единицами. Конечно, какие-то имена и количество должным образом сообщались для статистических отчетов Палпатину и для воинской службы разведки на Корусканте, иногда даже правильно - во всяком случае достаточно, чтобы пройти при необходимости проверку.

Люку потребовались два года, чтобы из маленького, стандартного полка, назначенного ему личной командой, по примеру 501-го полка его отца, создать независимое, преданное, отборное подразделение. Быть продвинутым в 701-ый означало быть окончательно признанным в Центральном Флоте. Попадали туда только по личному распоряжению Люка с учетом образцового поведения, и, следовательно, это являлось знаком доверия и надежности. Постепенно они отделились от регулярных войск, став полностью самостоятельным объектом, и в то же время Люк был вполне уверен, что разведка Палпатина располагает приемлемыми сведениями о численности и преданности полка, не зная в реальности настоящего расположения и назначения единиц - и он не собирался позволять Вирсу изменять это.

Палпатин мог, конечно, расформировать 701-ый в любое время, но Люк играл осторожно, тонко и расчетливо, тщательно стараясь не выказывать наружу никакого неповиновения или инакомыслия. И он знал, что его Мастеру не хотелось никаких публичных демонстраций разногласий и недоверия между собой и его Наследником, поэтому распускать этот полк было бы политически вредно. К тому же, Палпатин должен был дать своему Волку некоторое чувство независимости и автономии... и, в конечном счете, оба знали правду: подразделение Люка было прочным и лояльным, и если бы Палпатин дал директиву о его расформировании, большая часть 701-го стала бы действовать тайно, исполняя приказы Люка и формируясь таким образом в преданную лишь Наследнику, скрытую экс-воинскую единицу, о которой ничего не будет известно.

Необходимость вынуждала обходить многие принципы, и со временем Люк обнаружил, что вопреки его ранним опасениям, неприязнь им политических уловок и ухищрений не означала, что он не пользуется ими. Он провел всю свою жизнь, находясь в жесткой труднопереносимой окружающей среде, и постоянная борьба стала частью его характера - борьба за выживание -

было это в глубоких пустынях Татуина или в дипломатических джунглях Корусканта.

- Какие-нибудь распоряжения относительно генерала Вирса на это время? - спросил Риис.

- Стандартные процедуры флота, - ответил Люк и затем добавил: - Я буду говорить с ним, когда "Несравненный" выйдет на орбиту. Лично.

- Вы думаете, у него... есть потенциал?

- Очень сомневаюсь, - сказал Люк. - Но я хочу знать, почему Палпатин удалил Райза и дал мне Вирса. Или он знает, что Райз поменял свою лояльность или он просто хочет еще одного шпиона в моем лагере, что кажется маловероятным, учитывая, что назначение Вирса так очевидно связано с Императором. Впрочем, думаю, Вирс должен знать это, и я более вероятно вытяну это из его головы, а не головы Палпатина. - Подумав какое-то время, он добавил: - И нам нужен наемник - независимый специалист по проникновению, который сможет быстро и под умеренным прикрытием войти в Восстание. Он не должен будет слишком долго оставаться нераскрытым. Узнай у Каррде, знает ли он кого... Скажи, что тот будет расходным материалом. И скажи, что мне нужны три контрабандистских модифицированных и хорошо вооруженных фрахтовщика на... ммм... Название главной транспортной компании на Ботавуи...?

Риис ответил не сразу, сбитый с толку неожиданным вопросом:

- Гм... Тионн Каллат? Манил? - назвал он то, что первым пришло в голову.

- Необходима безупречная документация от той компании. Я сообщу потом дату, когда встречу с ним.

- Могу я спросить, что мы будем перевозить контрабандой?

- Тебя, меня и 701-ый, - уклончиво ответил Люк, ничего больше не объясняя. Затем вздохнул, утомленный бесконечными играми, в которые был вынужденно втянут, долгим днем и несвоевременным назначением Вирса. - Это все на сегодня, Вез. Свяжись с адмиралом Джоссом утром. И разбуди меня в семь, пожалуйста, мне нужно начинать возвращаться к обычному распорядку. Я пойду в тренировочный зал с утра.

Риис поднял брови:

- И как вы будете тренироваться, сэр? Могу я спросить?

- Тщательно, - ответил Люк сухо, отворачиваясь - чтобы указать, что разговор закончен.

Однако от Рииса нельзя было так легко отделаться.

- Я полагаю, что Халлин рекомендовал вам подождать, пока не будут удалены спицы, прежде чем начать тренировки с лайтсейбером, - вежливо напомнил он.

- Их скоро вынут, - ответил Люк просто.

Риис продолжал еще долго стоять, уставившись на его спину и оставаясь, как всегда, нечитабельным для Люка, с естественно приглушенным присутствием в Силе. Но Люк знал, что тот должен понимать необходимость форсирования его восстановления. Он не повиновался Императору много раз, но сейчас он собирался ступить на шаг дальше, чем когда-либо, и если Палпатин выяснит это, то не будет никакого разумного объяснения его явно предумышленного

неподчинения.

Единственной вещью, которая позволит уберечь себя от гнева Палпатина, будет успех. Только он позволит Люку скрыть свои истинные намерения за результатом... и при этом продвинуться к собственной цели.

Если же он потерпит неудачу, а Палпатин узнает... тогда Люк не мог позволить себе физической слабости – ибо Палпатин разорвет его на части.

Шаг Мары становился медленнее по мере приближения к апартаментам Скайуокера, на лицо легло хмурое выражение. В дверях стояли только два алых гвардейца, и до конца еще не проснувшаяся голова Мары пыталась осознать тот факт, что это, вероятнее всего, означало отсутствие Скайуокера внутри.

Она прошла вдоль главного холла обширных апартаментов к рабочему офису, и обнаружила там лишь одного Рииса, поднявшего на нее взгляд, как только она вошла. Хотя они оба и действовали по тайному приказу Императора, теоретически ни один из них не знал об истинных обязанностях другого, но Мара была весьма уверена: Риис был слишком умен, чтобы не понимать правды, и это отражалось в нем как в настороженной неприязни, так и в поддерживаемой им притворно-учливой дистанции, что сбивало с толку намного больше.

- Доброе утро, командер Джейд. Могу я помочь вам?

- Где Скайуокер?

- В настоящее время Наследник находится в Зале Практики, - исправил ее Риис ледяным тоном.

На Мару это никак не повлияло.

- И что он там делает?

Риис многозначительно поднял брови.

- Только не говорите мне, что вы позволили ему идти туда в его состоянии тренироваться с мечом?

- У меня вряд ли бы получилось забрать его, командер, - насмешливо ответил Риис.

- Халлин знает?

- Да. Его доктор сообщил, что если Наследник - его слова, не мои - такой дурак, что пытается тренироваться с сейбером, ему только остается ждать скорого вызова в Зал Практики для собирания оставшихся частей, - с сухой иронией ответил Риис.

Но Мара уже отвернулась, направляясь к выходу. Дойдя до широкой лестничной площадки из базальта, она остановилась в раздумье... У нее было достаточно времени, чтобы быстро обернуться и взять кое-что из собственных апартаментов.

Два алых гвардейца энергично расступились, давая ей пройти в огромный зал, уже нагретый от стеклянных стен, несмотря на раннее время. Скайуокер стоял приблизительно в центре, в чисто-белой спортивной майке и таких же штанах, в которых он всегда упражнялся при таком сильном утреннем солнце. Казалось, он буквально сверкал на фоне абсолютно черного

эбенового пола.

Жмурясь от яркого света, Мара прошла вперед; Скайуокер полуобернулся к ней в легком приветствии. Лайтсейбер он держал в правой руке, левая была по-прежнему бесполезна, находясь в полимерном фиксаторе, который вместе с видимыми из него спицами вспыхивал бликами на солнце.

Люк казался удивительно естественным и непринужденным, как это часто бывало во время его тренировок, словно все остальное переставало существовать на этот момент - когда он полностью отдавался своей страсти. Всякий раз, когда он находился во Дворце, он возвращался к бесчисленным часам упражнений в Зале Практики - так же, как это было во времена его тренировок с Императором. Насколько понимала Мара, это было и способом держаться подальше от двора, сохраняя таким образом здравомыслие посреди безумной и жестокой среды и реальной необходимостью, граничащей с одержимостью. Но это можно было объяснить - учитывая его положение, в один день эти тренировки могли бы спасти ему жизнь.

Он взглянул на нее, волосы были взъерошены, лицо осветила теплая, скромная улыбка, на которую Мара не смогла не ответить. Он выглядел настолько расслабленным. Никакой настороженности, никакой подозрительности, никакой отстраненности. Он был очень... обаятельным.

- Тренируешься? - она тут же мысленно пнула себя за то, что спрашивала очевидное, но он только спокойно кивнул ей.

- Пытаюсь, - признал он, небрежно очерчивая сейбером справа от себя петлю бесконечности, заканчивая ее крученым движением вверх и останавливая клинок в миллиметре позади своей головы. Мара слегка вздрогнула, но Скайуокер казался полностью раскованным во время маневра.

- Знаешь, я отчетливо помню, как Халлин сказал, что тебе еще рано практиковаться с мечом.

- Я думал, ты никогда не слушаешь Халлина.

- Вовсе нет, - отважно возразила Мара. - Я говорила только, что слушаю его меньше, чем ты.

- Здесь ты права, признаю, - улыбнулся он, салютуя ей аккуратно поднятым перед лицом клинком и слегка поклонившись. Затем сделал два шага назад - явно, чтобы освободить себе место для размаха сейбером.

- Ты очень великодушен, - хладнокровно ответила Мара, но не смогла удержаться от небольшой улыбки, подернувшей губы; одновременно она шагнула вслед за ним, чтобы сохранить между ними близкое расстояние.

Не растерявшись, он отступил еще на два шага - Мара приблизилась еще на столько же. Он взглянул на нее, нахмурившись, глубокий шрам на его лице исказился:

- Мы что, танцуем?

Мара позволила себе усмешку:

- Я все еще жду ответа на мой вопрос.

- Я думал, что уже согласился с тобой.

- Я говорю о вопросе про предписание Халлина, о том, что ты еще не готов к таким напряженным тренировкам.

- Я следую его рекомендациям.

Мара свела брови:

- И когда это?

- Когда я отошел от тебя - чтобы не задеть сейбером, - ответил он ровно.

- Это не ответ, а только игнорирование вопроса.

Он склонил голову набок, переходя на снисходительный тон:

- Если ты занудствуешь, я хотел бы заявить для протокола, что в действительности ты не задавала мне вопрос, это было больше похоже на утверждение.

Он вновь отстранился, улыбка изогнула шрам и достигла лазурных глаз, что всегда было редкостью, хотя - удивительно! - за последнюю неделю Мара наблюдала это много раз. И она все еще пыталась решить, стоило ей радоваться этому или отнестись с подозрением. Но в любом случае она была очарована этим новым привлекательным завихрением в характере Скайуокера. Халлин предупреждал о колебаниях в настроении и изменении характера после комы - и если это и было тем результатом, то она, несомненно, могла бы жить с ним.

Он еще раз отступил.

- И ты по-прежнему на моем пути.

Мара снова нахмурилась, отказываясь сдаваться: если она не могла заставить его остановиться, то по крайней мере она могла бы попытаться ограничить то, что он делал...

- Нам нужно попрактиковаться в поединке, - сказала она, протягивая руку к своему утилитарному сейберу, который дал ей Палпатин много лет назад, выглядевшего как шлифованная стальная труба с кнопкой.

Изящная и стройная, на таком близком расстоянии к Люку, Мара была чуть выше его плеча, но это нисколько не пугало ее. У нее не было его силы, но зато было тренированное, спортивное тело, ловкое и проворное, и она с ранних лет обучалась таким поединкам. Правда, он без усилий побил ее в их коротком спарринге раньше, но она тренировалась с тех пор.

Однако ее предложение фактически заставило его рассмеяться, он опустил сейбер и деактивировал рубиновый клинок, наружу внезапно прорвался акцент систем Внешнего Кольца:

- Ну да, ведь ты так любезно проигрываешь.

- Может, теперь я побью тебя, - поддразнила она, все больше соблазняясь отсутствием его обычной защиты.

Он выдержал многозначительную паузу, сказавшую, как сильно он в этом сомневается, и затем произнес с отличным, полностью вернувшимся корускантским произношением:

- Не может.

- Ну, не знаю, - продолжала подтрунивать Мара. - У тебя сломана рука, плечи скованы, бедро и лодыжка повреждены. Так что, думаю, у меня хороший шанс.

- Нет у тебя шанса.

Мара вскинула брови:

- Я что, так плоха...? Или ты настолько хорош?

Он пожал плечами, игнорируя комплимент, но полностью уверенный в своих способностях:

- Немного и того, и другого.

- Может, тогда ты дал бы мне несколько уроков?... Я попытаюсь не выходить из себя на этот раз.

- Я думаю, это и есть первое, что тебе нужно сделать - не выходить из себя, - проговорил он с сарказмом. - Вернись, когда научишься этому.

- Думаю, тебе стоит поискать бревно у себя в глазу.

- Видишь? - иронично спросил он. - А ты еще даже не активизировала сейбер. Мара пожала плечами, смирившись с отказом, и удивилась, услышав: - Возможно, в другой раз.

Он попытался отойти в другом направлении, но она не собиралась сдаваться и заканчивать их разговор, когда Скайуокер был в таком очаровательном и легком настроении; вместо этого она взглянула на сейбер в его руке:

- Можно посмотреть?

Это было невероятное нарушение этикета, она знала, но ей было искренне любопытно. Он носил этот сейбер уже три года, а она никогда не видела его вблизи. Люк взглянул на нее с улыбкой, пальцы лишь чуть заметно напряглись на рукояти оружия.

- А мне можно посмотреть твой? - изумив ее, он протянул ладонь левой руки, смотря полными юмора глазами.

Улыбаясь в ответ, Мара согласно поместила туда свой меч, ударяя о твердый полимерный фиксатор, но не отпустила его. Одновременно она захватила рукоять его меча. Он сжал руку и какое-то время также держался за оба сейбера, таща их слегка к себе, как и она.

- Кажется, сейчас наши отношения стали неразрывны, как никогда.

Ни уловки, ни подозрительности, лишь искреннее откровенное развлечение. Она не помнила, когда последний раз заставляла его в таком отличном настроении. Таким... притягательным. Возможно, причиной было его возвращение к заветным тренировкам, чувство, что он что-то действительно делает для того, чтобы восстановиться. Хотя что-нибудь.

В ответ она смогла только усмехнуться - казалось, в это утро подобная реакция была самой естественной для них.

- Очень забавно. Отпусти.

Он отпустил, как и она; Мара осталась с его мечом в руке. Лайтсейбер был очень личной

вещью, и хоть оболочка этого оружия была подарена, сущность меча - его клинок - Скайуокер несомненно сконструировал и создал сам.

Когда-то давно полагали, что лайтсейбер являл собой душу джедая, использовавшего его - говорили, что джедай, касаясь чужого меча, мог ощутить призрачную личность его владельца. И хотя Мара ни на секунду не верила в эти романтические сказки, она вполне допускала, что форсьюзер мог что-то прочесть по такой крайне личной, индивидуальной вещи другого чувствительного к Силе существа. Получить некую информацию, которая вполне вероятно наполняла долго и интенсивно используемый меч.

Этот меч был значительно тяжелее ее оружия, чуть длиннее и шире. Черная поверхность рукояти, подаренной Палпатином, была сделана из драгоценного перенниума, покрыта скрупулезно выполненной изящной гравировкой и элегантно украшена по всей протяженности изогнутыми вставками платины и золота. Верхняя половина цилиндра была обрезана по длинной дуге, чтобы выставить наружу восемь катушек-активаторов поля, каждая из которых была окаймлена тонкой платиновой полосой. Мара была уверена, что этого не было, когда Палпатин дал Скайуокеру рукоять, что это было сделано преднамеренно, впоследствии, приближая почти бесценный предмет к более утилитарному виду.

Кожух клинка был классически срезанной и конической формы, сверкая полированной платиной, как и торец сейбера. Несмотря на его очевидную ценность, несметное число мелких царапин и зарубок, накопившееся за несколько лет, исключало какую-либо претенциозность, гравированная верхушка из перенниума местами была затерта до зеркально гладкой поверхности, даже тактильно давая ощущение интенсивного характера использования.

Произведение искусства, но сдержанное и непритязательное, противоречащее своей смертоносной природе.

Вызывающее чувство... опасности. Непривычный вес делал меч довольно неудобным для хвата, лишая этим уверенности и заставляя немного нервничать.

Скрытая внутри безудержная мощь.

- Можно я...? - не ожидая разрешения, Мара отвела рукоять в сторону и активизировала сейбер.

Клинок ожил с неожиданно мощной отдачей, и ей потребовалось как следует задействовать мышцы, чтобы справиться с напряжением.

Она не видела, но ощутила небольшое изменение в позиции Люка, хотя он не поднял и не активизировал ее меч. И, казалось, при этом он не чувствовал необходимости отойти в сторону.

Все лезвия имели небольшую тянущую силу, создаваемую резонансной вибрацией, зависящей от уникального кристалла, так называемый «крен», дающий клинку его «вес». Некоторые были ровными и легкими, что увеличивало их маневренность. Однако весь импульс движения должен был идти от владельца меча. Таким образом, клинок позволял более легко совершать сложные шаги и движения, но делались они без какой-либо мощи.

У "тяжелых" лезвий был низкий резонанс и более выраженный "крен", требующий гораздо большего мастерства для управления оружием. С такими клинками стиль борьбы был другим; для контроля их гироскопического эффекта требовалось постоянное движение. Но их импульс давал им мощь в самых сложных движениях, делая эти трудные, "тяжелые" лезвия намного более смертоносными при точном ударе.

Все клинки были, в сущности, соотношением между непринужденностью и скоростью небольшого "крена" и трудно-контролируемой смертоносной мощью "тяжелого" лезвия. Клинок ее Мастера, как и клинок Мары, был легким и быстрым, усиленным скоростью и требующим меньшего количества умения в плане постоянных тренировок и практического опыта. Клинок же Вейдера очень походил на клинок его сына, что побудило Мару на мгновение с любопытством задуматься о том, какое зрелище представлял поединок, который, как она знала, состоялся между ними раньше.

Подача на это лезвие была очень низкой, ощущаясь словно пульс, и она почувствовала, как чутко ускорилось в ответ ее собственное биение сердца. Кинетический "крен" тянул руку, настолько сильно, что ей приходилось бороться, чтобы удержать рукоять казавшегося живым оружия. И все же, когда она повернула его в медленной "восьмерке", оно практически само повело ее руку, таща ее за собой в своем рвении, в желании двигаться.

Это было уникальное живое лезвие, созданное гораздо больше для наступления, чем защиты, требующее скорости реакции и мощи. Предназначенное брать инициативу и теснить в атаке.

Клинок ситха.

Она подняла ярко-красный клинок в широком размахе, держа наконечником вниз. И хотя ее глаза были прикованы к лезвию, Мара знала, что все ее внимание сосредоточилось на Люке, как и его на ней.

Ощущая это, она взглянула на него; те пронзающие, несоответствующие друг другу глаза пристально смотрели на нее. Сейчас, изучая его раненое лицо, глубоко в душе Мара понимала, что каким-то образом их отношения перешли на другой уровень. Воздух буквально гудел между ними, отчего вставали дыбом волосы на затылке и прошибала дрожь.

Она вновь перевела взгляд на борющийся, пытающийся вырваться клинок, очаровывающий и притягивающий своим противоречивым характером - и сопротивляясь ей, и желая сотрудничать.

- Любопытный клинок... Опасный.

- Все клинки опасны.

Она посмотрела на него - в глаза, которые не отпускали ее.

- Этот больше остальных.

- Тогда, возможно, ты должна остановиться.

- Должна. Но я чувствую, что не хочу этого, - ответила Мара так небрежно, как только могла, опять перемещая клинок в восьмерке и наблюдая за ним, низкий гул отозвался эхом в пустой комнате. - Он притягивает меня.

Люк едва заметно улыбнулся, шрам у глаза слегка искривился, но тихий, осторожный голос не выражал ни развлечения, ни предостережения, глаза следили за медленнодвигающимся клинком.

- Тщательно подумай - не начинай ничего, полагая, что справишься с управлением. У таких движений есть привычка выходить из-под контроля.

Мара точно знала, о чем он говорит, но в тот момент она полностью потерялась в его разительных пронзающих глазах.

- Ты думаешь, мне нужно остановиться?

Он колебался, и это был тот ответ, который она хотела. Они долго и неотрывно смотрели друг другу в глаза, не желая нарушать момент. Наконец, все также не отводя от нее взгляда, Люк плавно протянул руку и положил ее поверх руки Мары на сейбере, деактивируя его.

- Я думаю, нам нужно перестать играть в опасные игры, - ответил он, спокойно забирая у нее меч.

- Я думала, тебе нравятся опасные игры? - прошептала Мара с сумасшедше бьющимся от собственной смелости сердцем.

- Не здесь, - сказал он просто, многозначительно поднимая взгляд к камере на потолке.

Безоговорочный отказ или только отсрочка до более безопасной ситуации?

Фактически закончив разговор, он уже уходил. Не выдержав, Мара бросила ему в спину:

- Ты имеешь в виду другое место?

Он коротко рассмеялся, не оглядываясь. Когда он заговорил - вновь в своей обычной прохладно-отстраненной манере - в его сдержанном, бесстрастном и несколько забавляющемся тоне не было и намека на произошедшее, будто все это было лишь мимолетным отвлечением.

- Удиви меня.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1246139>